

ПЕСНЯ НА ЭСТРАДЕ

ЗАМЕТКИ КОМПОЗИТОРА

□ □

МНЕ КАЖЕТСЯ, каждый художник, в каком бы жанре искусства он ни работал, в том числе в песенном, эстрадном, должен уметь отбирать из бесконечного количества фактов и явлений нашей кипучей жизни близкий его творческой индивидуальности материал. В этом, по моему глубокому убеждению, и заключается секрет художественной яркости, эмоциональности, впечатляющей силы произведения. Естественно, успех будет тем значительнее, чем талантливей автор, чем выше его общественное самосознание, чем сильнее его желание своим творчеством служить коммунистическому созиданию.

Я не сторонник узкой профессиональной специализации и бытующих определений: «композитор-песенник», «композитор-симфонист». С моей точки зрения, композитор должен уметь сочинять все. Другое дело, что он может отдавать предпочтение песне или симфонической музыке. Бесконечная влюбленность в свое главное, полная отдача рождает большое искусство. И, наоборот, легкомыслие или безразличие приводят к печальным итогам.

Я помню, как после полета Юрия Гагарина в студии Центрального телевидения собрались представители советской интеллигенции—инженеры, ученые, общественные деятели. Все они, взволнованные и счастливые, горячо делились своими мыслями и впечатлениями. И вдруг на экране телевизора появился некий, объявленный «композитором», А. Кузнецов. То, что он сыграл и спел, развязно посвятив исполненное Гагарину, нельзя назвать иначе, как кощунством. Критиковать это «произведение» просто невозможно. Оно было таким пошлым, бесталанным и с точки зрения профессиональной настолько беспомощным, что смогло лишь начисто скомпрометировать благородную тему.

Случай с Кузнецовым, конечно, почти уникальный, но в какой-то мере показательный. До сих пор, к сожалению, бытует трудно искоренимое «непротивленчество» в отношении откровенно слабых «опусов», претендующих на якобы злободневность. Иногда—надо признаться—и наши крупные мастера песни терпят поражения, потому что торопятся, слишком легко относятся к теме.

Есть темы, удельный вес и характер которых не выдерживают «всежанровой» нагрузки. О дружбе народов необходимо писать песни, пьесы, стихи, оперы и балеты. Но нельзя создать песню, а тем более оперу, допустим, о завершении очередного этапа работ на большой стройке, как бы важна она ни была. Вот о людях, которые в ней участвуют,—другое дело.

У песни есть право, она даже обязана быть остро современной, злободневной. Но есть еще одна обязанность у композитора. Если он взялся за сегодняшнюю тему, должен «переплавить» ее в огне своей души, в огне своего таланта.

Вот пример, когда серьезную и на этот раз вполне «песенную» тему скомпрометировало, явно легкомысленное отношение к ней автора. В «Советской культуре» напечатали песню о Конто одного из наиболее известных и заслуженно любимых советских композиторов—Дмитрия Покраса. Больно было видеть, как большая и волнующая тема воплотилась в произведении, музыкальный язык которого напоминал третьесортное танго эпохи прошлого времени.

Плохая песня о Конто в газете, постоянно призывающей ловить мастерство и воспитывать вкус... Это уже серьезно.

ХУДОЖНИКУ, зорко вглядывающемуся в прекрасный и сложный мир, его окружающий, должно быть предельно ясно, что источник вдохновения надо искать в бурном кипении жизни, человеческих судьбах, а не только в резюмирующих творческих секций.

У нас иногда слишком упрощенно трактуют слова «простые советские люди», пытаются наделять этих людей одинаковыми

прописными добродетелями, общими доблестями и приметами. Но ведь они не такие! У каждого советского человека свои особенности и вкусы, свои привязанности, стремления.

Мы совершенно правы, когда ждем от новых песен жизнеутверждения, высокой гражданственности, героико-романтического подъема. Эти черты главные, решающие. Но разве можно вычеркнуть из жизни заразительный смех, вызванный доброй шуткой, или грусть неразделенной любви, или глубокое горе утраты близкого человека, или спокойную радость общения с красотой природы? Конечно же, нет! Человек, смеющийся и тоскующий, радующийся и печалющийся, человек-созидатель и человек-мечтатель, человек, отдающий всего себя общему делу,—это и есть наш «простой советский человек». Ему нужна и мягкая, поэтически ясная лирика. Наш долг заполнить этот «вакуум», заполнить произведениями глубокими, содержательными, доступными.

Свято место пусто не бывает. И если наши лучшие композиторы не занимают его своими произведениями, в образовавшуюся брешь прорываются халтурщики и бездарности.

Я уверен, что если бы настоящие мастера (которые иногда—что греха таить—относятся к созданию лирических песен как к работе второго сорта) написали бы яркие, запоминающиеся песни о любви, о сложных человеческих отношениях, песни, глубоко прочувствованные и выношенные автором, пронизанные нашим светлым мироощущением,—убежден, они имели бы славную и долгую жизнь.

В связи с этим уместно поставить и вопрос о правомерности существования на советской концертной эстраде разных исполнительских стилей.

В статье композитора Анатолия Новикова, опубликованной недавно в «Советской культуре», есть одно положение, с которым я никак не могу согласиться. Это пункт, где он отрицает всякую возможность публичного выступления артистов в иных музыкально-вокальных жанрах, кроме «настоящего пения», сетует на то, что на эстраде «эталонами стали Нина Дорда, Марк Бернес, Владимир Трошин и другие певцы, заменившие вокал шепотом или говорком».

Мне кажется, что многообразие советского эстрадного искусства заключается не только в различных по жанру произведениях, но и в столь же различных манерах исполнения. Есть песни, требующие от актера блестящих голосовых данных, широкого распева, настоящего вокального (именно вокального) мастерства. И пусть таких песен будет побольше!

Но есть произведения, и не только шуточные, лирические, а часто и героические, которые способны нести серьезные мысли и идеи, но которым оперное или концертно-

камерное исполнение просто противопоказано. Иногда о грусти, о раздумьях, даже о веселых событиях хочется петь не в полный голос, а именно напевать.

В нашей стране этот жанр в самых различных модификациях существует с незапамятных времен. Великий русский актер В. Н. Давыдов очаровывал слушателей, напевая с эстрады куплеты под собственный гитарный аккомпанемент. Б. С. Борисов, блистательный драматический актер, снискал себе исполнением (не пением!) песенок Беранже повсеместную славу. И никому не придет в голову называть компрометанными эти славные страницы из истории нашего эстрадного искусства. И говорить, что, обращаясь к такой манере исполнения, мы подражаем западным образцам, вряд ли имеет смысл.

Категорические заявления в адрес популярных эстрадных артистов—«это не певец!»—пропадают попусту, так как это действительно не певцы. Они никогда не выступали в опере, они не солисты в хорах, не исполняют на эстраде арий и каватин. Они «музыкальные рассказчики», их жанр популярен в народе, любим. И почему, в самом деле, дома, за праздничным столом не вспомнить песню, «напетую» Марком Бернесом или Владимиром Трошиным? Важно только, чтобы эта песня была хорошей! А это уже забота композитора. Кстати говоря, очевидно, недаром именно Трошину доверил первое исполнение своей замечательной, всемирно теперь известной песни «Подмосковные вечера» В. П. Солovieв-Седой, Песня не потеряла от этого, а выиграла.

Да и к чести большинства артистов этого жанра будь сказано, они не докучаются на исполнение произведений, требующих настоящего большого голоса и вокальной школы. И правильно поступил М. Бернес, честно признавшись предложившему ему одну из своих песен А. Новикову, что он просто-напросто не справится с вокальными трудностями данного произведения и не сможет в своем исполнении раскрыть его художественные достоинства.

Мы за подлинное разнообразие нашей музыкальной эстрады, за то, чтобы наше искусство было злободневным и современным не формально, не ради ложной понятой «сиюминутности», а по своей идейно-художественной сути, по своему образному строю. Важно, чтобы наша эстрада не отдавала на откуп халтурщикам большие и важные темы, чтобы она творчески и активно противопоставляла макулатуре яркие сочинения, влияла на слушателя всем многообразием приемов и средств современного музыкального языка.

В этой области еще много нерешенных вопросов, и надо о них говорить в полный голос. Горячо споря, мы, несомненно, разрешим «сложные» положения с пользой для нашего социалистического искусства, которое беззаветно и честно служит партии и народу.

Никита БОГОСЛОВСКИЙ.